

Моцарт В.-Ф.  
1980-е гг.)

25.12.03.

# Семнадцать взглядов на Амадея

## Монографический фестиваль Дома музыки завершён

В 1891 году музыкальный критик Корно ди Бассетто, известный ныне под именем Бернарда Шоу, написал статью к 100-летию со дня смерти Моцарта. Автор сетовал на легковесность и компилятивность газетных публикаций, вызванных датой, и на изобилие в них пересказов наиболее занимательных, то есть внемузыкальных, эпизодов, почерпнутых из многотомной монографии Отто Яна, а по большей части скабрёзностей или язвительностей из эпистолярного наследия Моцарта. Все это и в наши дни помогает справиться с подобным информационным поводом, а наиболее интересной считается дилемма, отравил Моцарта Сальери или нет и кто на самом деле отец его детей. Фестиваль "Моцартиана", прошедший в Доме музыки, был лишён такого информационного повода. Да и в зону развлечения, обозначенную на афишах томной полубожаженной мамзелью, усаженной за виолончель, все равно не попал. Однако стал поводом для музыкальных и вербальных высказываний о композиторе, о котором с каждым днем все труднее изречь новое слово. Неожиданно певцы, инструменталисты и дирижеры, в обычное время уделяющие Моцарту не столь много усилий и времени, оказались вынуждены участвовать в общем процессе. Потрудились "Геликон-опера", "Виртуозы Москвы", ГАСК, ГАКО, ГАСО, солисты Большого театра, российские и зарубежные, известные и не очень артисты.

Конечно, новорожденный Дом музыки должен был предпринять что-то значительное, дабы эффективнее приучить москвичей к новому месту, где непременно надо бы вать. И идея монографического фестиваля сама по себе замечательно хороша. Если избирать имена, привлекающие слушателей и не отталкивающие музыкантов, фестивалю грозит большое будущее. Примет эстафету, говорят, И.-С.Бах, величайший из организаторов, о чем уместно будет лишний раз напомнить после установки в Большом зале им. Е.Ф.Светланова крупнейшего в России органа. Моцарт же стал фестивальным пионером ММДМ с легкой руки Александра Рудина, со своим оркестром "Musica viva" тоже внесшим вклад в общее дело. Опера, драма, "Коронационная месса", "Реквием", мотеты, 7 симфоний, увертюры, 10 концертов, 7 ансамблей, фортепианные сонаты и пьесы, арии – 17 вечеров музыки Моцарта в трех залах ММДМ в течение восьми дней – таков статистический итог фестиваля.

Задача оказалась, как и в 1891 году, не самой легкой, ибо, как писал Шоу, исполняя Моцарта, нельзя произвести эффект или взбодорить аудиторию, играя лишь на ее исторической чувствительности. Впрочем, историческая чувствительность современного слушателя подпитывалась программами аутентистов, без которых картина была бы вопиюще неполной. Открыл фестиваль Алексей Любимов, ис-

полнявший Моцарта на молоточковом клавише фирмы "Нойперт", отлично копирующей инструменты венца Штейна, Моцартом неоднократно одобренные. Увы, высокая стоимость лишила композитора радости владения одним из них. Теперь Любимов, счастливый пользователь копии штейновского шедевра, явил первым гостям фестиваля Моцарта в том облике, в котором величайший из фортепьянистов своего времени представлял перед венской знатью. Звучали сочинения 1781 – 1786 годов – между венскими премьерами "Идоменей" и "Свадьбы Фигаро" – опусы очень разные, а подчас с трудом поддающиеся идентификации как моцартовские. И звучащие то со всей страстью и несколько жирноватым легато ("Легато должно струиться как по маслу" – назидал сам Моцарт), вызванным чуть большим усердием Любимова по отношению к педали, например, в Аллегро "Софи и Констанца" и Рондо ре-мажор; то искристо рассыпающиеся в холодных бисерных пассажах, как в вариациях на тему оперы Люка "Пилигримы из Мекки".

Иной вариант подлинно-исторического музицирования показал Зальцбургский Придворный оркестр, взявший положенный строй 415 Hz вместо любимовских 430 и аккуратно и прилежно, без намека на страсти, исполнивший сочинения юного Моцарта и его маститых учителей и старших современников, в числе которых К.Х.Бибер, И.С.Шреттер, Д.Б.Мартини, И.А.Хассе и другие. Оркестр под руководством клавесиниста Вольфганга Брунера – чистый антиквариат с его строгостью и изяществом и чересчур серьезным отношением музыкантов к скрижалям. Но красивая старинная обертка, в которую ансамбль помещает исполняемые произведения, не спасает потребителя содержания от разочарования, и есть все основания полагать, что скукающий монарх, трапезу которого обслуживал бы подобный ансамбль, лишился бы аппетита. Впрочем, в программе австрийцев были композиции, не лишенные привлекательности. В частности, вокальные пьесы в исполнении Верены Краузе – чрезвычайно приятной камерной певицы, обладательницы милого сопрано, которым она вполне прилично владеет. Нотку развлечения внес экзотический Концерт для альпийского рога с оркестром Леопольда Моцарта – любопытный для глаз, но, по свидетельству валторниста Аркадия Шилклопера, "очень легкий и очень скучный" для ушей, ибо вся партия солиста построена на звуках одного-единственного трезвучия. Гораздо интереснее было услышать нечто, чего не ожидаешь от венского классика, – например, разудалую польку в финале струнного квартета № 1, достойную самого Оффенбаха или хотя бы Россини.

Для Шилклопера, музыканта, широко известного в мире джаза, фестивалю стал первым за 20 лет

поворотом к Моцарту. Аркадий признался, что последний раз играл концерт Моцарта в начале 1980-х годов на конкурсе в Таллине и с тех пор уделял преимущественное внимание творениям современных академических авторов. Каденции в популярном Концерте № 4 для валторны с оркестром человек, живущий в импровизационном мире, играл, конечно, свои. Как и джазовый пианист Даниил Крамер в Концерте № 22 для фортепиано с оркестром. В первое отделение Крамер вынес Моцарта "фиксированного", а во втором сделал его объектом для дружеского джазового глумления с контрабасистом Сергеем Васильевым и барабанщиком Павлом Тимофеевым, образовав по аналогии с командой Жака Лусье этакое трио PlayMozart. Оказалось, финал "Eine Kleine Nachtmusik" прекрасно вписывается в латинские ритмы, что идеальный припев к "Турецкому маршу" – это "O, Sole Mio" и что свинговать можно вообще в любом удобном месте. Впрочем, нет сомнений в том, что блестящий импровизатор и великий юморист Моцарт, будучи знаком с джазом, вытворил бы с классиками и не такое.

Основу фестиваля составили, как и положено, традиционные вечера с участием зарубежных и российских академических музыкантов. И поскольку, внимая голосу разума и Козьмы Пруtkова, объять весь фестиваль решительно невозможно, скажу напоследок о том, кто, не принадлежа к сообществам ни аутентистов, ни джазменов, умеет сказать новое и оригинальное слово о Моцарте – о Михаиле Плетнев. Слово это, мудрое и емкое, прозвучало в хорошо известных фортепианных сонатах До-мажор и Фа-мажор. Будучи убежденным в том, что Моцарт, имея в распоряжении современный инструмент, был бы гораздо более счастлив, Плетнев подает ноты, написанные в XVIII веке, как повод для создания совершенно новых звучностей. Не оспаривая мысли о том, что австриец не был основателем новой школы или движения, но лишь гениальным завершителем, Плетнев тем не менее пробуждает в музыке Моцарта звучание не предшествовавших, а последующих времен. Мы отчетливо слышим Шопена, Чайковского, Шуберта, Россини, самого Плетнева и Бог знает кого еще... Плетнев кропотливо и любовно разбирает моцартовские мозаики, очищает от вековой пыли и из тех же самых цветных стеклышек выкладывает новую, собственную, но ничуть не менее прекрасную картину, в которой, как в отреставрированных немецких храмах, уживаются отдаленные эпохи. Моцартианство Плетнева – совершенно особое явление в современном исполнительстве, но, пожалуй, именно в нем отчетливее всего проступают те небесные законы, благодаря которым Моцарт стал кумиром музыкантов в России, как нигде более.

Татьяна ДАВЫДОВА

Рудин А. – 2003 – 25 дек – с. 9